

С того момента, как Се Шэньсин услышал эту новость, в его сердце уже зародился план. Император Юнькан подозревал, что он не занимается серьёзными делами, а лишь сеет смуту в Чанъане, и в последнее время намеревался наставить четвёртого принца. Се Шэньсин знал, что тот часто навещает Дворец Хуацуй, и в душе испытывал лишь презрение.

К счастью, на церемонии возложения короны накануне император всё же оказал ему должное уважение, не назначив наследником престола, но проведя ритуал, подобающий принцу. Тысячи мыслей переполняли Се Шэньсина, и, собравшись с духом, он расправил полы одежды, выпрямился и опустился на колени перед троном, с надеждой произнеся:

— Отец, я уже взрослый человек, и теперь не только сын, но и подданный. Как подданный, я обязан облегчить ваши заботы. Прошу вас, тщательно обдумайте и включите меня в число кандидатов!

Император Юнькан резко поднял веки, переведя взгляд с герцога Чжунсяо на своего сына. Се Шэньсин не испытывал страха. Годы любви и внимания взрастили его, словно величественный пион, стоящий среди других цветов, а два десятилетия сделали его ещё более стойким, чтобы он не опозорил оказанную ему честь.

У императора было немного детей, кроме Се Шэньсина и Се Шэньшоу, а также старшего принца, о котором никто не смел упоминать. Лишь два года назад одна из наложниц родила его четвёртого сына, которому сейчас едва исполнилось три года. Это было связано как с его особой привязанностью к Драгоценной наложнице Нин, так и с нежеланием, чтобы их дети снова пережили трудности, которые выпали на их долю более двадцати лет назад.

Сердце всегда склоняется к чему-то одному. Император Юнькан задумчиво смотрел на Се Шэньсина и вдруг осознал, что этот сын уже вырос и стал самостоятельным. Даже если он был недоволен отношениями Се Шэньсина с Цао Фучжуном, он вымещал свой гнев лишь на последнем, а Се Шэньсин оставался его самым достойным ребёнком. Он достаточно любил Драгоценную наложницу Нин, и их дети были одарены природным умом. Причина, по которой он до сих пор не назначил наследника, заключалась лишь в невысказанной прихоти.

Как будто, не назначив наследника, он оставался тем самым решительным императором.

Сыну уже исполнилось двадцать. Если он успешно пройдёт испытание в поездке в Юньчжоу, то я пожалуй ему титул наследника престола. — Мысленно решил император Юнькан, слегка опустив взгляд.

Се Шэньсин ждал уже довольно долго, и наконец услышал тихий ответ сверху:

— Хорошо.

В тот день император Юнькан остановился в Дворце Сяньфу, где вместе с Драгоценной наложницей Нин ужинал и пил чай. Чай был свежим весенним чаем из Фучжоу, и император невзначай заметил:

— Мяожун, когда сын вернётся, я обязательно награжу его как следует.

Мяожун — это личное имя Драгоценной наложницы Нин, и она всегда знала, как обращаться с этим высоким человеком:

— Ваше величество, решайте сами.

— Но, кажется, мне нечего ему дать. Он никогда не нуждался в еде, одежде или других вещах, — вздохнул император, поглаживая чашку. — Тогда пусть он... станет ещё более знаменитым.

За одну ночь во дворце стало известно, что в день возвращения из Юньчжоу Се Шэньсин будет назначен наследником престола.

Праздник по случаю возложения короны Се Шэньсина также был отложен, но он не придавал этому значения, лишь небрежно заметил, что после возвращения из Юньчжоу устроит праздник и банкет одновременно. Когда новости вышли за пределы дворца, Се Шэньсин отдыхал в своём поместье, ожидая, пока слуги соберут вещи. Внезапно он вспомнил о чём-то, приказал слугам приготовить карету, переоделся и отправился в Дом государева князя Нина.

Дом Нин был родным домом Драгоценной наложницы Нин, и Се Шэньсин мог посещать его в любое время без осуждения. Более того, он всегда соблюдал этикет, не желая давать повод для пересудов, и лишь в праздники навещал родных.

Се Шэньсин с улыбкой склонил голову:

— Дядя, как поживаете?

Государев князь Нин ответил:

— Ваше высочество, не стоит!

— Раз мы в доме, можем быть проще. Я ведь ваш племянник, так почему бы не называть вас дядей? — Неспешно ответил Се Шэньсин, играя в дипломатию. Драгоценная наложница Нин была младшей дочерью из дома Нин, и с государевым князем, старшим сыном, разница в возрасте составляла более десяти лет. Однажды она взлетела на вершину, став великой заслугой семьи Нин.

Наигравшись в дипломатию, Се Шэньсин перешёл к делу:

— Давно не видел второго сына. Где он сейчас?

Государев князь Нин, конечно, старался угодить будущему наследнику престола. Если бы тот искал редкое сокровище, он бы нашёл его. Он вызвал слугу из комнаты Нин Хуая и, узнав, что тот снова убежал к Лу Сяо, рассердился:

— Учится из рук вон плохо, а всё время бегаёт куда-то!

Затем он взвесил свои слова:

— Когда второй сын вернётся, я отправлю его к вашему высочеству с извинениями.

Се Шэньсин махнул рукой:

— Не беспокойтесь. Я отправляюсь завтра, так что подожду второго сына здесь.

Тем временем Нин Хуай лежал на кровати Лу Сяо, слёзы наворачивались на глаза, и он обвинял его в неверности.

Нин Хуай, узнав, что Се Шэньсин отправится в Юньчжоу и какое-то время не будет его беспокоить, был в прекрасном настроении и на следующий день с радостью пришёл к Лу Сяо поиграть. Как обычно, он вошёл через боковую дверь, а Лу Сяо, не ожидая его визита, всё ещё обсуждал что-то с Лу Сюэханем.

Всё это было связано с делом Цао Цинъюня.

Ранее, чтобы избежать конфликтов, он прямо сказал Лу Сюэханю, что после Нового года покинет Чанъань. Теперь, когда Лу Сяо восстановили в должности и подошло время для подачи заявления на перевод, он совершенно забыл об этом.

Лу Сюэхань напомнил ему об этом днём, и Лу Сяо, немного озадаченный, спросил:

— Уехать? Зачем?

Едва произнеся эти слова, он вдруг всё понял.

Он провёл в Чанъане десять лет, и каждый уголок здесь был ему знаком. Ранее подача заявления на перевод была лишь временной мерой, и если бы удалось остаться в Чанъане, он никогда бы не подумал о переезде.

Лу Сюэхань, казалось, был озабочен, и, видя, что Лу Сяо замолчал, тоже не стал ничего говорить.

Лу Сяо произнёс:

— Раньше мне пришлось искать способ уйти, потому что я попал в неприятности. Теперь проблема решена, брат, почему бы нам не остаться здесь?

Привыкнуть к новому месту непросто. С тех пор как Лу Сяо помнил себя, три года в Юньчжоу

он провёл, выздоравливая, жил в глуши и не завёл друзей, рядом был только Лу Сюэхань. Воспоминания о Юньчжоу были смутными, но когда они переехали в Чанъань, Лу Сяо тоже было нелегко.

Прошло десять лет, и в столице он оставил множество воспоминаний. Теперь, когда пришло время уезжать, он не мог не чувствовать сожаления. Лу Сюэхань всегда был холоден и никогда не считал, что какое-то место связано с ним неразрывными узами. Лу Сяо не знал, откуда он появился, и когда Лу Сюэхань сказал, что покинет Юньчжоу, он не объяснил причин.

Лу Сюэхань спокойно сказал:

— А где сейчас главный управляющий Цао?

Лу Сяо удивился:

— Конечно, он служит императору.

Лу Сюэхань спросил:

— Какое влияние на него оказала ошибка его приёмного сына?

Лу Сяо не нашёлся, что ответить. Это было правдой. Позже он узнал о происшествии в императорском саду и сам удивился, как всё сложилось. Император лишь заставил главного управляющего Цао простоять на коленях несколько часов, и, наказывая кого-то, он лишь намекал на определённых людей, а восстановление Лу Сяо в должности было лишь побочным эффектом.

Но теперь главный управляющий Цао всё ещё был приближённым императора. Сегодня император мог наказать кого-то и проявить снисходительность к Лу Сяо, а завтра он мог найти причину, чтобы подставить Лу Сяо.

Находясь при дворе, многие вещи не зависят от тебя. Лу Сяо хорошо понимал эту простую истину, но служение при дворе было подобно танцу на лезвии ножа. Он следовал всем наставлениям Лу Сюэханя, старался не выделяться, получал щедрое жалование и жил без забот, сумев укрепиться в Чанъане. За три года, кроме этого случая, он не испытывал никаких трудностей.

Он всё же был молодым человеком и спросил:

— Тогда почему ты не остановил меня во время экзаменов?

Лу Сюэхань не ответил прямо, а медленно произнёс:

— Сяо, ты умный, и тебе не стоило застревать в безвестном городке в Юньчжоу. Я стал твоим старшим братом и должен был взять на себя ответственность за твоё воспитание, поэтому я привёз тебя в Чанъань. Всё, что ты хотел знать и делать, я тебе рассказывал. Сдавать экзамены

было твоим решением, и я не стал тебе мешать.

Ты хороший мальчик, и, заняв первое место на экзаменах, я, как твой... родственник, горжусь тобой. Прошло более десяти лет, и ты, в местах, где я вижу и не вижу, почти стал зрелым человеком.

Лу Сяо почувствовал горечь в сердце:

— Брат...

<http://bllate.org/book/15439/1369304>